

Матросов Павел Сергеевич

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/2/7.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (45). С. 31-33. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

В 1989 г. между республиканским и союзным Советами возник серьезный конфликт, спровоцированный внеплановой проверкой Совета РСФСР со стороны союзного. Л. Ф. Колесников расценил результаты проверки как «очернительство», причем, все было подготовлено, по его мнению, «независимо от результатов проверки» [Там же, д. 12, л. 125-128]. К. М. Харчеву были предъявлены обвинения в том, что он занимает неправильную позицию в области законодательства о культах и дает «путанные» интервью с ложными и противоречивыми высказываниями, что союзный Совет не реагирует на требования сотрудников республиканского в плане формирования библиотеки религиозной литературы, периодических изданий, отказывают в помощи по оформлению отчетности и т.д. [Там же, л. 141, 150]. В конечном итоге, в 1989 г. должность председателя Совета по делам религий занял Ю. Н. Христораднов.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 24 августа 1990 г. № 322 Совет по делам религий при Совете Министров РСФСР был ликвидирован, полномочия по взаимодействию с конфессиями были делегированы Министерству юстиции РСФСР [Там же, д. 23, л. 13].

В 1991 г. Кабинет Министров СССР утвердил новое «Положение о Совете по делам религий при Кабинете Министров СССР» (постановление № 209 от 26 апреля 1991 г.). Согласно новому положению, с Совета по делам религий были сняты все его контрольные и директивные функции: право рассмотрения предоставляемых материалов по вопросу разрешения регистрации, отказа в регистрации и снятия с регистрации религиозных общин, закрытия и открытия культовых зданий, молитвенных домов, контроля за выполнением положений Конституции СССР в отношении советского законодательства о культах, проверки деятельности конфессиональных объединений и т.д. По поручению Кабинета Министров Совету по делам религиозных культов были делегированы представительские полномочия во взаимоотношениях с церковными организациями. Совет как информационный, консультативный, экспертный и координационный центр был обязан предоставлять экспертные заключения по запросам со стороны государственных органов и суда; помогать установлению и развитию взаимопонимания между конфессиональными объединениями разных вероисповеданий, формировать банк информационных данных о религиозных организациях в СССР, давать разъяснения о международно-правовых актах и о зарубежном законодательстве о свободе совести. Кабинетом Министров СССР была ликвидирована структура уполномоченных Совета в областях, краях, автономных и союзных республиках. Постановлением Государственного Совета СССР «Об упразднении министерств и других центральных органов государственного управления в СССР» (№ ГС-13 от 14 ноября 1991 г.) деятельность Совета по делам религий при Кабинете Министров СССР была прекращена с 1 декабря 1991 г. [1].

Итак, создание двух Советов по делам религий в СССР - союзном и республиканском свидетельствовало о том, что власть понимала значимость «религиозного вопроса», но четкой концепции его решения не имела. Практика доказала, что наличие государственного органа, аналогичного Совету необходимо для реализации государственно-конфессиональной политики.

Список литературы

1. **Ведомости Верховного Совета СССР.** 1991. № 50. Ст. 1421.
2. **Государственный архив Пензенской области.** Ф. 2392. Оп. 1.
3. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. А-661. Оп. 1.
4. **Одинцов М. И.** Некоторые аспекты вероисповедных реформ в России в 1985-1997 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Иваново: Ивановский государственный университет, 2008. 682 с.

УДК 34

*Павел Сергеевич Матросов
Пензенский государственный университет*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[©]

Как известно, основные права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Конституции Российской Федерации, не могут быть отменены и подлежат ограничению лишь в тех случаях, которые непосредственно указаны в Конституции либо в соответствующем Федеральном конституционном законе. Данные ограничения могут быть связаны с чрезвычайной ситуацией либо с необходимостью защиты других прав и свобод. Наиболее часто, на наш взгляд, с ограничениями прав и свобод человека и гражданина приходится сталкиваться в рамках уголовного судопроизводства. Это обусловлено самим назначением уголовного судопроизводства - защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и защитой личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, а также его характером. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о недопущении в данной области каких-либо злоупотреблений, которые могли бы привести к нарушению закрепленных в Конституции прав. Для защиты указанных прав существуют различные юридические механизмы, к числу которых, как один из наиболее эффективных, относится конституционный контроль.

Под конституционным контролем, как известно, понимается деятельность государственных органов, направленная на проверку соответствия конституционным нормам правовых актов и действий органов государственной власти и местного самоуправления. В некоторых странах проверяется и деятельность общественных объединений, принимающих участие в осуществлении публичных функций. Действия органов судебной власти, соответственно, также относятся к объекту конституционного контроля.

При рассмотрении конституционного контроля в уголовном судопроизводстве следует, прежде всего, говорить о соответствующей деятельности Конституционного Суда РФ. В частности, именно Конституционным Судом были вынесены решения, оказавшие определяющее влияние на развитие механизма защиты конституционных прав в рамках указанного процесса. Так, с целью повышения эффективности реализации закрепленного в Конституции права на доступ к правосудию Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 18 февраля 2000 года № 3-П сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой лица, чьи права и свободы затрагиваются решением следственных органов об отказе в возбуждении уголовного дела, несмотря на отсутствие прямого указания на это в нормах УПК РФ, впервые получили право на ознакомление с материалами проверок, в том числе предварительных, на основании которых было вынесено решение об отказе в возбуждении уголовного дела [1, с. 32].

Кроме того, Конституционным судом РФ было вынесено постановление, которое позволило обжаловать в кассационном порядке решения, вынесенные по первой инстанции Верховным Судом РФ. При этом было подчеркнуто, что право осужденного на пересмотр его приговора вышестоящим судом в качестве конституционной гарантии закреплено не только в статье 50 (ч. 3) Конституции РФ, но и в целом ряде международно-правовых актов. Поэтому оно объективно не может зависеть от субъективного усмотрения должностных лиц, правомочных к принесению надзорных протестов, а должно реализовываться по усмотрению самого осужденного, в порядке, предусмотренном для кассационного пересмотра [4, с. 3394].

Большое влияние на решения, которые выносятся Конституционным судом РФ оказывают нормы международного права и, в частности, Международного пакта о гражданских и политических правах и актов Европейского Суда по Правам Человека. Так, в п. 3 ст. 14 указанного пакта фиксируется право каждого при рассмотрении предъявленного ему обвинения сноситься с выбранным им самим защитником и защищать себя через его посредство. В Конституции РФ данное право закреплено в п. 2 ст. 48, которая гласит, что каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. В постановлении от 27 марта 1996 г по делу о проверке конституционности ст. 1 и 21 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г «О государственной тайне» было определено, что посредством указанного Закона допускается возможность отстранения адвоката от участия в качестве защитника в производстве по уголовным делам, связанным с государственной тайной, из-за отсутствия у него допуска к государственной тайне. Суд, исходя из содержания действовавшего в то время Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, признающего адвоката, осуществляющего защиту по уголовным делам, участником процесса, пришел к выводу о том, что порядок участия адвоката в уголовном судопроизводстве, в том числе по делам, связанным со сведениями, составляющими государственную тайну, устанавливается именно данным Кодексом, а не каким-либо иным актом. В своем решении Суд опирался также на ч. 3 ст. 55 Конституции, не позволяющей ограничивать указанные конституционные права ни при каких обстоятельствах [5, с. 249].

Достаточно значимым в плане обеспечения прав и свобод граждан явилось и постановление Конституционного Суда РФ № 9-П от 16 марта 1998 года, которым было ограничено во многом субъективное усмотрение суда (общей юрисдикции) в плане определения окончательной подсудности дел (ст. 44 УПК РСФСР) и обеспечено конституционное право граждан на отправление правосудия в том суде и тем судьей, к подсудности которого дело изначально отнесено законом [3, с. 1459].

Адекватно восприняв данную правовую позицию, законодатель не просто воспроизвел ее в нормах УПК РФ, а, оценивая ее значимость в правовом регулировании, придал ей статус конституционной нормы-принципа, что нашло выражение в ч. 3 ст. 8 УПК.

На основе прямого действия статей 46 и 52 Конституции РФ после завершения дознания потерпевшему должно обеспечиваться право на ознакомление с материалами дела, исходя из возможности использования в этом вопросе процессуальной аналогии норм, предусматривающих подобное ознакомление для обвиняемого. Позиция Конституционного Суда РФ в этом вопросе, как представляется, достаточно однозначна, исключает какое-либо субъективное усмотрение и подкреплена конкретными решениями Суда. Тем не менее, ч. 3 ст. 225 УПК гласит: «...потерпевшему и его представителю по его ходатайству могут быть предоставлены для ознакомления материалы уголовного дела в том же порядке, который установлен для обвиняемого и его защитника». Подобная формулировка предполагает, по всей видимости, определенную свободу усмотрения по данному вопросу, в результате чего возможно ограничение прав потерпевшего. В связи с этим, некоторые исследователи, в том числе В. И. Сидоров, считают, что данную часть ст. 225 УПК правильнее было бы сформулировать по аналогии с частью 2 этой же статьи, которая устанавливает обязанность ознакомить с материалами уголовного дела обвиняемого и его защитника. Выглядеть это должно следующим образом: «Потерпевший и его представитель по их ходатайству должны быть ознакомлены с материалами уголовного дела и обвинительным актом в том же порядке, который установлен частью второй настоящей статьи для обвиняемого (его защитника)» [2, с. 124].

Тем не менее, сам институт конституционного контроля вовсе не является идеальным. В деятельности Конституционного Суда нередко, проявляют себя и элементы определенного субъективизма, когда решение явно принимаются лишь в интересах одной из сторон, либо, когда решение выражает не столько реальные интересы государства и личности (в балансе их проявления), сколько субъективные теоретические позиции большинства судей. Мнение о том, что Суд не всегда прав в истинности принимаемых им решений, все чаще становится предметом обсуждения на страницах юридической литературы. Е. А. Лукьянова, к примеру, убедительно доказала несостоятельность ряда решений Суда, вынесенных по вопросам конституционного права.

В одном из своих решений Конституционный Суд РФ формулирует вывод о том, что, если судебное решение не может быть пересмотрено в порядке надзора, оно может (и должно) пересматриваться в порядке производства по вновь открывшимся обстоятельствам, так как, следуя логике рассуждений Суда, эти порядки, фактически, идентичны. Тем временем, о недопустимости подмены надзорного производства и возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам неоднократно указывалось и в постановлениях Пленума Верховного Суда. В п. 20 постановления № 2 от 5 апреля 1985 года Пленум однозначно указал, что пересмотр судебного решения в порядке надзора допускается лишь при наличии оснований, вытекающих из материалов дела. Если же сомнения в законности и обоснованности приговора связаны с обстоятельствами, которые не были известны суду и обнаружены после вступления приговора в законную силу, вопрос о пересмотре такого решения может быть разрешен только в порядке производства по вновь открывшимся обстоятельствам. Данный порядок имеет в качестве одной из своих целей недопущение произвола со стороны судебной власти и защиту прав граждан, в том числе конституционных [Там же, с. 133].

Тем не менее, именно конституционный контроль остается одним из эффективнейших средств защиты прав человека и гражданина, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства. Конституционный контроль - довольно молодой в нашей стране. Он продолжает развиваться и совершенствоваться, что дает основания надеяться на устранение в будущем всех имеющихся сегодня недостатков деятельности Конституционного Суда РФ.

Список литературы

1. Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 3.
2. Сидоров В. И. Специализированный конституционный судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 219 с.
3. Собрание Законодательства РФ. 1998. № 12.
4. Указ. соч. № 28.
5. Тиунов О. И. Международное гуманитарное право: учебник. М.: Группа «Норма-Инфра-М», 1999. 312 с.

УДК 165.0

Наталья Геннадьевна Носорева

Педагогический институт Южного федерального университета

ДЕФИНИЦИЯ КАТЕГОРИИ «ЗНАНИЕ» В ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ[©]

Во все времена рационализм пытался решить вопрос: как знание, полученное в процессе познавательной деятельности человека, приобретает объективный, всеобщий и необходимый характер. Рационализм утверждал, что научное знание достижимо посредством разума, который выступает его источником и вместе с тем критерием истинности.

Но в связи с современным уточнением понимания рациональности как *ratio*, разумности, выяснилось, что существуют рассудочная рациональность и разумная рациональность. Одна жестко следует нормам, правилам, критериям, определениям, другая подвергая критическому анализу основания всех правил, критериев и определений, а также, опираясь не только на логику, но и на творческие, интуитивные предпосылки, позволяет создавать новые понятия, определения, нормы и критерии [6]. Само собой напрашивается предложение о том, что категория «знание» во времени также не статично. Проверим его, заглянув в историю становления теории познания.

Знание лежит в основе многих областей человеческой деятельности. В европейской культуре это понятие ведет свое начало из древнегреческой философии, существует тысячелетия и вместе с тем не имеет однозначного, точного определения, продолжая оставаться предметом обсуждения и дискуссий [Там же].

Первоначально в качестве общей для всех форм знания выступала мифология [2, с. 10]. Но когда в общественной жизни и в общественном сознании начали нарождаться серьезные противоречия и конфликты, которые не поддавались разрешению с помощью традиционных убеждений и верований, связанных с греческой мифологией, возникла потребность различения того, что общепринято (мнение), и того, что истинно на самом деле (знание).